

УДК 821.161.1

EDN CGQFIS

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-2-125-133>

В поисках «дела жизни»: к истории понятия «дело» в России второй трети XIX века

Н. С. Мовнина^{✉1}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Россия,
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9

Для цитирования:

Мовнина, Н. С.
(2022) В поисках «дела жизни»: к истории понятия «дело» в России второй трети XIX века. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 4, № 2, с. 125–133. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-2-125-133> EDN CGQFIS

Получена 14 мая 2022; прошла рецензирование 5 октября 2022; принята 5 октября 2022.

Финансирование: Подготовка статьи осуществлена в рамках проекта: «Отечественная словесность на стыке литературных традиций» Центра междисциплинарных фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (2022).

Права: © Н. С. Мовнина (2022). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Поиск *дела*, которым были увлечены многие мыслящие люди в России второй половины XIX века, отразился в известных произведениях русской классики. Тем не менее, понятие «дело» до сих пор остается недостаточно исследованным, несмотря на всю его значимость. Задача этой статьи состоит в том, чтобы хотя бы отчасти восполнить пробел в изучении этого понятия, сосредоточившись на том периоде, когда начинают складываться разные версии *дела*, — второй трети XIX века. Существенную роль в этих процессах играл опыт кружковой коммуникации, знакомство с немецкой философией и попытки осмыслить собственную личность исходя из новых понятий и концепций. Все это накладывалось на появление новых форм деятельности, которые могли бы составить «дело жизни», — например, литературной критики, преподавательской и общественной деятельности, а позднее и революционного движения. Перед нами взаимообусловленный процесс, где новое понимание человеческой жизни помещается в перспективу новых возможностей, расширяя семантику тех понятий, при помощи которых она описывается. В рассматриваемых концепциях *дела* заложены противоречия, которыми предопределяется по существу утопический характер попыток их реализации: невозможность победить греховную человеческую природу у Н. Гоголя, преодолеть «формализм» службы у И. Аксакова, согласовать уникальный мир личности с социально значимыми формами деятельности у В. Белинского. Можно сказать, что поиск *дела* ставит вопрос о синтезе частного, индивидуального и общего, иначе говоря, о возможности — на новом уровне и в новом масштабе — достижения единства, подобного тому, которое существовало в прошлом, когда каждое сословие знало и делало свое дело.

Ключевые слова: русская литература, понятие «дело», жизнь, немецкая философия, западники, славянофилы

In search of the 'life's delo' (life's work): The history of the concept 'delo' in Russia in the second third of the 19th century

N. S. Movnina✉¹

¹ St. Petersburg State University, 7-9 University Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

For citation:

Movnina, N. S. (2022) In search of the 'life's delo' (life's work): The history of the concept 'delo' in Russia in the second third of the 19th century. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 4, no. 2, pp. 125–133. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-2-125-133> EDN CGQFIS

Received 14 May 2022; reviewed 5 October 2022; accepted 5 October 2022.

Funding: The article is part of the project Russian Literature at the Intersection of Literary Traditions, Centre for Interdisciplinary Basic Research, National Research University — Higher School of Economics (2022)

Copyright: © N. S. Movnina (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The concept of 'delo' (matter, affair, work, case, deed) remains almost unexplored, despite its importance for the Russian culture. In the middle of the 19th century many Russian thinkers were obsessed with the search for the 'delo', which found its reflection in the works of Russian classics. The article aims to partially fill the gap in the study of this concept. It focuses on the second third of the 19th century—the period when different modifications of the 'delo' began to take shape. An essential role in these processes was played by networking in the format of so-called circles, familiarity with German philosophy and attempts to use new concepts in self-discovery. All this was underpinned by the emergence of new forms of activity that could make up the 'life's delo' (life's work): literary criticism, teaching, social activities, and, later, the revolutionary movement. What we have is an interdependent process where a new understanding of human life is seen from the perspective of new possibilities. This expands the semantics of the concepts describing life. Attempts to find a 'delo' are related to the new synthesis of the private, individual and general, in other words, the possibility—at a new level and on a new scale—of achieving unity in a way similar to the past when each social class knew and did their own 'delo'.

Keywords: Russian literature, the concept of 'delo', life, German philosophy, Westerners, Slavophiles

В комментариях к своей статье, приуроченной к 150-летию со дня рождения А. И. Герцена (первая публикация «Вопросы философии», 1967), советский философ-марксист М. А. Лифшиц рассуждает о необходимости изучения понятий, «идеологизм» которых перестал восприниматься с течением времени: «При всей шумихе вокруг семасиологии, семантики и прочих наук, не затрагивающих существа духовной деятельности людей в таких ее формах, как язык, почти ничего не сделано по истории “идеологических” слов, утративших впоследствии большую часть своих “коннотаций”. Достаточно сказать, что Белинский еще объясняет читателю философский смысл такого обычного русского слова, как *непосредственный* (немецкое *unmittelbar*). То же самое относится к слову *дело*, дельный. Мы находим его в языке Пушкина, оно приобретает подчеркнутый общественный смысл в зрелый период деятельности Белинского и через него, видимо, перешло в язык передовой (и только словесно передовой, “эмансипированной”) части русского общества второй половины прошлого века» (Лифшиц 1988, 98).

Действительно, представляется, что *дело* можно рассматривать как одно из ключевых понятий, при помощи которых в XIX веке осмыслялись индивидуальная жизнь и исторические судьбы общества. Это хорошо отражено в известных произведениях русской литературы. Персонажи И. Тургенева и И. Гончарова рефлексируют над необходимостью «делать дело», «заняться делом», «найти дело», радикальные демократы 1860-х годов требуют не слов, а *дела*, для героев Ф. Достоевского нехватка «русского» *дела* — трагедия национальной истории («оттого мы пьем, что дела нет <...> дела долго (150 лет) не было» (Достоевский 1973, 5)). Тем не менее, как отмечает Лифшиц, при всей значимости для русской культуры понятия *дело*, оно не привлекало к себе должного внимания. И по сей день можно говорить о том, что оно остается недостаточно исследованным¹. Задача этой статьи состоит в том, чтобы хотя бы

¹ Изучению понятия «дело» посвящена недавно появившаяся статья Д. Я. Калугина и Н. С. Мовниной «Слово-мысль-дело: Опыт исследования исторической семантики понятия “дело”» (Калугин, Мовнина 2022).

отчасти восполнить пробел в изучении этого понятия, сосредоточившись на том периоде, когда начинают складываться разные версии *дела*, — второй трети XIX века.

Дело жизни

К концу XVIII века в понятии *дело* сходится ряд важных моментов, связанных, с одной стороны, с торговой сферой (откуда изначально это понятие и происходит), судебно-бюрократической сферой, а с другой — личной сферой, позволяющей говорить о чем-либо «это мое или не мое дело». Маркированность *дела*, в его наиболее общем значении противопоставленного более конкретным и частным делам, возникает, в широкой перспективе, благодаря актуализации религиозных контекстов, связанных с древнерусскими и церковнославянскими значениями, которые переводят всю проблематику в моралистический план. *Дело* (в ед. числе) наделяется повышенной значимостью, выступает в качестве того, что организует время, предполагает усилие, усердие, повторяемость, определяется, в зависимости от контекста как упражнение, труд и как работа, и противопоставляется «неделанию», «праздности» как «заполненное время».

Говорить о возможности человека найти себе дело, кем-то стать и т. д. имеет смысл лишь в том случае, когда для него существует определенный выбор жизненных стратегий. В обществе, где последовательно реализуется сословный принцип, такого выбора по существу нет: человек привязан к своему месту, начиная с самого рождения. Система структурных соответствий, соотносящих человека с местом и должностью, может быть выражена в тавтологической формуле «делать дело» (др. русс. «дѣлати дѣло», «дѣлати дѣлание»), то есть действовать в рамках, которые понимаются как данные и не нуждаются в конкретизации².

В XVIII веке ответственность за поддержание порядка и, следовательно, сословного принципа, оказывается возложенной на государство, перехватывающее, в лице своих идеологов, соответствующие фигуры религиозного дискурса и вписывающее их в новый контекст. Феофан Прокопович в «Слове в день святого благоверного князя Александра Невского» представляет

сословный порядок как «богоданный», где за каждым чином закреплено свое собственное дело: «Всякий чин, правильно приемлемый, от самага бога подается. Много о том в писании: “Бог судиа есть: сего смиряет и сего возносит”. Ныне же довлеет сие апостольское слово: “Несть власть аще не от бога”. От сих двоих ведений ясно знати может всяк про себе, кое ему належит дело. Аще бо испытovati должествуем, что есть воля божия, яко же являет первое ведение, то не то должное нам и богу угодное дело, которое нам мнится быти таковое. Аще же всякий чин от бога есть, якоже ведение второе покажет, то самое нам нужнейшее и богу приятное дело, его же чин требует, мой — мне, твой — тебе, и тако о прочих» (Прокопович 1961, 98).

В конце XVIII — первой трети XIX в. идея государства как отлаженно функционирующего механизма вступает в сложные отношения с национальной идеей, поиском собственного пути, возникающими после Отечественной войны 1812 года (Атнашев, Велижев, Зорин 2018). Дискурсы, складывающиеся вокруг этих идей, также будут задействовать религиозную риторику, которая отныне служит не обоснованию нового государственного проекта, а скорее является формой возврата к прошлому или, если более точно, актуализацией прошлого в новых условиях.

Религиозные коннотации понятия *дело* будут выходить на первый план в творчестве такого автора, как Н. В. Гоголь, у которого *дело* обладает с одной стороны — сословной предзаданностью, поскольку связано с божественными основаниями человеческой жизни, с другой — с собственными усилиями человека, направленными на выявление и утверждение этого единства с богом. Иначе говоря, *дело* приобретает значимость только в том случае, когда возникает и осознается связь между человеком, жизнью и богом как творцом этой жизни. Позиция Гоголя в этом случае показательна, поскольку содержит экспликацию процедур, необходимых для понимания *дела* как подвижничества, своеобразной мирской аскезы. Что такое *дело* в этом случае? Это «разумный и покойный труд, — рассуждает Гоголь в одном из писем к матери, — который происходит только после глубокого обдумывания, когда принимаешься за дело не с жаром и опрометчивостью, которые скоро простывают, но взглядевшись в него пристально, обсмотревши его со всех сторон, узнавши совершенно весь ход дела, наблюдавши сначала долго над другими, когда, зная, как делает один, еще недоволен тем и стремишься узнать, как в таких обстоятельствах делает другой,

² Единственная возможность выбрать себе *дело*, не предполагаемое изначально местом, — избрать монашество или «духовное дело», радикально изменив свой статус. В «Житии Феодосия Печерского» монашеская жизнь, представляющаяся идеальным образом человеческой жизни, описывается как сосредоточенность каждого на своем деле («дѣлающема има къждо свое дѣло» (Творогов 1997, 394)).

и отчего у одного лучше, нежели у другого; и когда, узнавши всё, сообразивши, какие могут быть неудачи и потери, еще не принимаешься за дело, еще обсмотришь его, и хоть покажется, что уж совсем понял дело, хоть даже сильное почувствуешь желание приняться за работу, всё еще умеряешь себя, поверяя, не отыщется ли еще чего-нибудь заметить» (Гоголь 1952с, 219).

Гоголь эксплицирует универсальные основания *дела*-делания, предполагающие сближение с другими и противопоставление себя другим, внимательное вглядывание в их дело, сдерживание собственных побуждений и поиск наилучших форм для воплощения задуманного. Эти установки переносятся Гоголем на литературное творчество: «Рожден я вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной. Дело мое проще и ближе: дело мое есть то, о котором прежде всего должен подумать всяк человек, не только один я. Дело мое — душа и прочное дело жизни. А потому и образ действий моих должен быть прочен, и сочинять я должен прочно» (Гоголь 1952а, 298–299). Ср. также: «Я бы желал, однако же, побольше критик не со стороны литераторов, но со стороны людей, занятых делом самой жизни, со стороны практических людей; как на беду, кроме литераторов, не отозвался никто» (Гоголь 1952а, 287).

В формуле «душа и прочное дело жизни», а также «дело самой жизни», переплетаются забота о спасении, помещенная в перспективу собственного существования и всего людского рода, и жизнь, основное качество которой, ее «собственное дело», состоит в том, чтобы «быть живой». Задачей писателя в понимании Гоголя является в первую очередь воспроизведение этого качества жизни, создание живых образов, противостоящих омертвевшей современности: «Не мое дело заниматься тяжелыми вопросами времени и вступать в современное положение враждующих партий, положение мутное и темное, неясное даже еще следствиями и самим спорщикам. Мое дело изображать жизнь людей, живьем выставить людей и жизнь, как она есть» (Гоголь 1952b, 23)³.

³ В этой конструкции принципиальным моментом оказывается сословная система общества, где каждый должен быть привязан к своему месту, исполнять свою должность. В статье «О сословиях в государстве» Гоголь пишет: «Дело в том, чтобы организовались сословия, чтобы почувствовало всякое сословие свои границы, пределы, обязанности, и знали, где их дело и деятельность, а потому в воспитанье человека, с самого начала должны войти обязанности того сословия, к которому он принадлежит, чтобы он с самого начала почувствовал, что он гражданин и не без места в своем государстве» (Гоголь 1952а, 492). Важно отметить, что установки

Понимание дела у Гоголя, с его религиозной эксцессивностью, усиливающейся к концу 1840-х годов, вызывало неприятие тех, кто стремился наполнить это понятие конкретным, «житейским», содержанием. Так, например, Иван Аксаков, размышляя о гоголевской одержимости идеей спасения, пишет своим родителям в 1844 году: «Сознавая истину его слов, я не могу оторваться от жизни и стремлюсь к противоположной цели. Когда я прочел его письмо, я совершенно был полон жаждою внешней, общественной деятельности и не мог бы решиться на самоотделение внутреннее от интересов житейских народа, государства, даже всего человечества! Жить, посвятив себя на изучение собственной души своей, углубляться в самопознание, просветить духовные очи свои и после долгой, трудной борьбы, после тяжкого подвига исполниться гармонии и божественной любви — высоко прекрасно. Но это может быть уделом одного лица. Человечество живет, движется, трепещет действительностью, сквозь нее проходит и духовная его жизнь. <...> И так сильно сочувствие мое к человечеству, тревожно бегущему к неизвестной цели, так близки мне интересы его нравственной жизни и материальных выгод, что, охотно пожертвовав блаженством христианским, личным, я посвятил бы себя на общую пользу, согласился бы быть одним из камней пирамиды» (Аксаков 1988, 67).

Формула «дело жизни» меняет здесь свое значение и переносится в личное существование, которое, в гегелевском духе, обретает себя в трепете «действительности», в связях с национальным и общечеловеческим, внутри общего движения истории. В этой расширяющейся перспективе главным оказывается поиск конкретного *дела*: «я благодарю Бога за дар жизни и хочу жить, т. е. делать дело жизни, но без гордых задач, без заносчивых требований, не карабкаясь в герои, не взлезая на пьедесталы, не предъясняя честолюбивых притязаний ни на венец мученичества, ни на значение жертвы, ни на какое щегольское нравственное положение. Таким образом, и дела сделаешь больше, да и жить будет легче» (Аксаков 1994, 321).

В приведенной цитате формула «делать дело жизни» появляется как разъяснение к слову *жить* и находится в поле действия активно выражающего свое желание субъекта («я <...> хочу жить»). Можно предположить, что в этом случае «делать дело жизни» означает делать дело

Гоголя по сути противоположны тем, из которых исходит Феофан Прокопович. Сословность Гоголя — это антимодернизационная сословность, антитеза «хорошо устроенному» государству.

своей жизни. Это значение становится более очевидным, когда Аксаков размышляет в другом письме о биографии Гоголя: «Следует еще также заметить биографам, что они указывают плохую услугу лицу, ими описываемому, выкапывая весь сор и хлам изо всех углов его души. Надобно рассматривать в человеке дело его жизни, его цель, его стремление, идеал, живущий в его душе, и уже по отношению к этой существенной стороне можно касаться частностей и мелочей его жизни. Человек сам себя очищает; внутренняя его работа над собою есть тайна между им и Богом, и только Богу известно, какие плевела жили в его душе и исторгнуты им» (Аксаков 1994, 303).

В приведенных цитатах устанавливается соотношение между жизнью как воплощением «живого начала» и человеческой жизнью как темпоральностью, структурируемой самим субъектом, *делом* как общим принципом, организующим жизнь, и конкретным делом, которым должен заниматься человек. Этому противопоставлению соответствует дихотомия внутреннего как частного, где осуществляется поиск и концептуализация общих понятий, и внешнего как сферы непосредственной деятельности человека, завершившего свою «внутреннюю работу». Конкретное дело у Аксакова связано в первую очередь со службой, служебными делами, которые он стремится выполнять ревностно и с полной самоотдачей.

В одном из своих писем графу Л. А. Перовскому, представляющем собой прошение о возвращении на службу и оставшемся неотправленным (письмо датируется 1852 или 1853 годом), Аксаков так пишет о своем понимании «служебного дела»: «Граф, служил я и хочу служить — и право, это не напыщенные фразы: мне даже и повторять это совестно — не ради наград и честолюбия, но во имя правды, добра, пользы общественной. Это сильное требование души, это глубокое сознание своих побуждений лишили меня возможности смотреть на службу равнодушно, как на привычное ремесло, — заставляли меня принимать к сердцу каждый труд и делать из него свое личное дело, — сообщили наконец словам моим колорит искренности и независимости, странной, конечно, в чиновничьем мире» (Аксаков 1888, 408). Стремление приносить пользу на своем месте, избегая при этом формализма, предстает здесь как ключевой момент: «Я вообще усердный чиновник, да и не могу ограничиться одною очисткою, а хочется что-нибудь сочное, действительно нужное и полезное» (Аксаков 1888, 408).

В письмах Аксакова заметно, как происходит дискурсивная работа, целью которой является придание понятию *дела* нового значения. Так, «сильное требование души», выражающее «глубокое сознание своих побуждений», лишает Аксакова возможности «смотреть на службу равнодушно», и она больше не может рассматриваться как «привычное ремесло» в той мере, в какой необходимо «принимать к сердцу каждый труд и делать из него свое личное дело». Перераспределение происходит в рамках понятий, обозначающих разные формы деятельности, за счет разрыва между службой и ремеслом как формально и по принуждению исполняемых обязанностей, где «труд», представляя собой понятие более высокого уровня, обозначает скорее деперсонализированную сущность любой деятельности (тяготу и подвигничество), оказывается *личным делом*.

На примерах Гоголя и Аксакова видно, как происходит своеобразная секуляризация понятия *дело*, которое лишается своих религиозных коннотаций и становится делом, требующим конкретных социальных форм для своего воплощения. Видно, как совершается переход от неспешной сосредоточенности и осмотрительности у Гоголя, к эмоциональности Аксакова, принимающего близко к сердцу все, что происходит на службе, и не готового мириться с тем, что препятствует ее исполнению. Дело, таким образом, обретает значимость только через связь с жизнью, оказываясь «живым делом», противопоставленным мертвящему формализму социальных институтов и жизненной рутине.

Дело и жизнь

Иной характер *дело* приобретает в философии западников, где оно оказалось связано с понятием личности, укорененной в современности и истории, полная реализация которой осуществлялась путем ее «экстериоризации» и основывалась на «философии действия сознательного, преобразующей действительность в соответствии с требованиями разума и сознательной воли» (Валицкий 2019, 514). Схватывая это новое состояние человека и его «деяний», Герцен писал в своей статье «Дилетантизм в науке»: «Каждый шаг в истории, поглощая и осуществляя весь дух своего времени, имеет свою полноту — одним словом — личность, кипящую жизнью» (Герцен 1954, 86). Жизнь приобретает качество эксцессивности, она говорит через человеческую личность, неотделима от того, что им делается, что у него получалось, а что нет, на путях истории.

Понимание дела западниками определяется сильным влиянием немецкой философии и немецкой литературы, где важную роль играет понятие *die Tat* (поступок, дело в значении «действие»). Русские авторы, члены кружка Н. В. Станкевича, использовали это слово для обозначения своей готовности делать дело, действовать, заниматься деятельностью. Так, например, Белинский, размышляя о социальной и необходимости «общего дела», использует именно это слово: «Я теперь совершенно сознал себя, понял свою натуру: то и другое может быть вполне выражено словом *Tat*, которое есть моя стихия» (Белинский 1956, 435). Комментируя это место, Гинзбург отмечает, что «слово “действие” не случайно употреблено по-немецки. Новые установки преемственно связываются с уже пережитым духовным опытом — с идеей деяния в “Фаусте” («*Im Anfang war die Tat*»), с гегелевской концепцией деятельности» (Гинзбург 1977, 103–104). Ср. также в письме Н. Огарева к Герцену: «Что делаешь ты? ... Из мира ощущений, мечтаний, смутных идей, из области мысли даже я пришел к положительному, ищу *die Tat* и полон надежды» (Огарев 1956, 315).

Гетевская антитеза слова и дела в знаменитой сцене в кабинете Фауста, размышляющего над переводом первого стиха Евангелия от Иоанна, в текстах русских авторов интерпретировалась различным образом и, что важно для описываемого сюжета, концептуализировала понятие дела через противоположное ему⁴. Соотношение двух частей этой формулы, а также их изменение, когда, например, слово становится делом и наоборот, определили целый пласт идеологических споров, которые велись, начиная с 1830-х годов. Можно сказать, что «Фауст» по сути превратил понятие «*Tat*» в лозунг нововременного субъекта, не только за счет того, что на его страницах многократно звучат призывы к «делу» (к «делу, к жизни шумной», которой противостоит бесплодная «*grau Theorie*», и к полезному делу, к «великим делам»), но еще и потому что противопоставил его категории «слова» как связанного с традицией и авторитетом, и таким образом создал возможность для включения «*Tat*» в разные идеологические контексты (наполняющие «дело» разным содержанием). Разрыв между «словом» и «делом» будет отныне

⁴ Переводчики первой половины XIX более точно переводили *die Tat* как «деяние». Более известный современному читателю пастернаковский перевод *die Tat* как «дела» является неточным, но, как представляется, связан с тем пониманием этого слова, которое складывалось в русской литературе на протяжении всего XIX века.

означать принципиальную неспособность существующих «слов» — то есть в конечном счете мыслительных схем — адекватно представить импульс к «деланию» мира, исходящий из нового положения субъекта.

У Белинского и в последующей традиции слово и дело оказываются радикально противопоставлены друг другу. Ср., например, у Панаева: «Я не раз сомневался в его уме, но в этот раз должен был сознаться, что мои сомнения были несправедливы, что он точно умен; что у него только слово и дело были в постоянном разладе — и даже не имели ничего общего между» (Панаев 1986, 144). Сюда же можно отнести многочисленные обыгрывания этой формулы, снимающие ее антитетичность, например, у Тургенева «Доброе слово — тоже дело» (Тургенев 1980, 319). Главной задачей субъекта становится в этом случае достижение внутренней и внешней гармонии, которое могло представлять собой «снятие» противоречий между противопоставленными друг другу понятиями. В письме Боткину (февраль, 1840), приводя в пример Бакунина как «идеального человека», Белинский пишет: «Я не налюбуюсь его прекраснодушием оно в тысячу раз выше нашего <...> болезненного и мальчишеского прекраснодушия и даже нашей жалкой действительности в нем сила, могущество, жизнь, деятельность, оно полно, целостно, в нем слово и дело одно и то же, оно не кричит и не говорит о себе, не вытаскивает из себя ощущения, чтобы, лежа, большею частью, на кровати и думая об испанских делах, рассматривать его и копать в этой дряни. Да, брат, мы так искажены и исказнены, что страшно подумать» (Белинский 1956, 443). В приведенной цитате, помимо устойчивого оборота «слово и дело», Белинский апеллирует к важному сюжету, связанному с гегелевской философией.

В гегелевской философии «*Tat*», деятельность, понимается как деятельность человеческого духа, который в акте самосознания преодолевает автономность и погруженность в себя и постигает свое единство с разумным мирозданием, Абсолютным духом. В рецепции русских гегельянцев (Школьников 2019) стремление к «*Tat*», делу, возникало как проекция гегелевской критики романтического «прекраснодушия» на переживания разрыва между исключительной рефлексивностью, характеризовавшей интеллектуальную жизнь кружков, и общей атмосферой русской жизни. Гегелевское «примирение с действительностью», таким образом, осознавалось как задача реализации обретенной «субъектности», с ее высокой духовной активностью

и потребностью в осознании собственной причастности к всемирно-историческому развитию, в «объективной» сфере общественного существования. Гегелевская философия была также призмой, через которую преломлялось и восприятие Гетевского «Фауста». В этом произведении, в котором, как в гегелевской диалектике, в основе лежит борьба противоположных начал, прочитывалась связь между этапами духовного пути личности и сменой исторических эпох. Характерным образом драма Фауста как современного человека выделась в его эгоцентризме и неспособности выйти из «сферы лично человеческого» к «человечеству, обществу, имеющему свои вечные, незыблемые законы» (Тургенев 1978, 216)⁵.

В период увлечения гегелевским тезисом «все разумное действительно, все действительно разумно» Белинский на какое-то время отступает от восприятия дела как результата экзистенциального выбора человека, трактует его как «данность» и итог естественного развития, перекаладывая ответственность на государство и государственные институты (см. статью 1839 г. «Очерки Бородинского сражения. (Воспоминания о 1812 годе)» — Белинский 1954). Однако в дальнейшем он возвращается к концепции «дела» как преодоления сосредоточенности на внутреннем мире души и перехода к деятельности, представавшей «нескончаемым деланием и становлением», в котором человек, вершащий «дело жизни», обретает единство с коллективным созиданием человечества и актом божественного творения: «Это мир непрерывной работы, нескончаемого делания и становления, мир вечной борьбы будущего с прошедшим, — и над этим миром носится дух божий, оглашающий хаос и мрак своим творческим и мощным глаголом: “да будет!”» (Белинский 1955, 195). «Дело», таким образом, концептуализировалось как практическая деятельность, индивидуальная для каждого, — «и с мечом, и с словом, и с заступом, и с метлою», но осуществляемая с «пафосом к идее» и включающаяся в «общую работу», направленную на преображение мира (Белинский 1955).

Как понятие, направляющее стратегии жизненного выбора, *дело* было призвано разрешить коллизию между «жизнью сердца» и «ужасной действительностью» и требовало конкретизации в значимых формах деятельности, в которых

личность могла бы реализовать свою уникальность и заключенный в ней «идеал лучшего существования» (Белинский 1955). Такая возможность видится уже как программа пересоздания всей социальной системы. Главную роль в этом преображенном обществе должна была играть литература, которой и предстояло стать главным общим делом: «Для публики занятие литературою не есть отдохновение от забот жизни, не сладкая дремота в эластических креслах после жирного обеда, за чашкою кофе, — нет, занятие литературою для нее *res publica*, дело общественное, великое, важное, источник высокого нравственного наслаждения, живых восторгов» (Белинский 1954, 427).

В рассмотренных нами концепциях *дела* заложены противоречия, которыми предопределяется трудно осуществимый характер попыток их реализации: невозможность победить греховную природу у Гоголя, преодолеть «формализм» службы у Аксакова, согласовать уникальный мир личности с социально валидными формами деятельности у Белинского. Таким образом, проблема поиска *дела* ставит вопрос о синтезе частного, индивидуального и общего, иначе говоря, о возможности — на новом уровне и в новом масштабе — достижения единства, подобного тому, которое существовало в прошлом, когда каждое сословие знало и делало свое дело.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Благодарности

Благодарю Дмитрия Калугина, с которым мы совместно занимаемся проектом, посвященным анализу языка философской и литературной прозы 1830–1860-х годов, за помощь в подготовке этой статьи.

Acknowledgements

I would like to thank my project partner Dmitry Kalugin for his contribution to the preparation of the paper. Our joint project focuses on the language of philosophical and literary prose of the 1830–1860 period.

⁵ Ср. также «всякое “примирение” Фауста вне сферы человеческой действительности – неестественно» (Тургенев 1978, 206).

Источники

- Аксаков, И. С. (1888) *Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. В 4 т. Ч. 1. Учебные и служебные годы. Т. 1. Письма 1839–1848 годов.* М.: тип. М. Г. Волчанинова. 466 с.
- Аксаков, И. С. (1988) *Письма к родным: 1844–1849.* М.: Наука, 704 с.
- Аксаков, И. С. (1994) *Письма к родным: 1849–1856.* М.: Наука, 653 с.
- Белинский, В. Г. (1954) *Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 4. Статьи и рецензии. 1840–1841.* М.: Изд-во АН СССР, 675 с.
- Белинский, В. Г. (1955) *Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине. 1843–1846.* М.: Изд-во АН СССР, 740 с.
- Белинский, В. Г. (1956) *Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 11. Письма. 1829–1840.* М.: Изд-во АН СССР, 718 с.
- Герцен, А. И. (1954) *Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 3. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы. 1842–1846.* М.: Изд-во АН СССР, 363 с.
- Гоголь, Н. В. (1952а) *Полное собрание сочинений. Т. 8. Статьи.* М.: Изд-во АН СССР, 816 с.
- Гоголь, Н. В. (1952б) *Полное собрание сочинений. Т. 9. Наброски, конспекты, планы, записные книжки.* М.: Изд-во АН СССР, 684 с.
- Гоголь, Н. В. (1952с) *Полное собрание сочинений. Т. 12. Письма. 1842–1845.* М.: Изд-во АН СССР, 720 с.
- Достоевский, Ф. М. (1973) *Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 7. Преступление и наказание: Рукописные редакции.* Л.: Наука, 416 с.
- Огарев, Н. П. (1956) *Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 2.* М.: Госполитиздат, 684 с.
- Панаев, И. И. (1986) *Повести. Очерки.* М.: Советская Россия, 368 с.
- Прокопович, Ф. (1961) Слово в день святого благоверного князя Александра Невского. В кн.: *Сочинения.* М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, с. 94–103.
- Творогов, О. В. (ред.). (1997) *Житие Феодосия Печерского.* В кн.: *Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII вв.* СПб.: Наука, с. 352–434.
- Тургенев, И. С. (1978) *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 1. Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски, 1834–1849.* М.: Наука, 574 с.
- Тургенев, И. С. (1980) *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 5. Повести и рассказы 1853–1857 годов; Рудин; Статьи и воспоминания, 1855–1859.* М.: Наука, 543 с.

Литература

- Атнашев, Т., Велижев, М., Зорин, А. (2018) «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 483 с.
- Валицкий, А. (2019) *В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства.* М.: Новое литературное обозрение, 704 с.
- Гинзбург, Л. Я. (1977) *О психологической прозе.* Л.: Художественная литература, 450 с.
- Калугин, Д. Я., Мовнина, Н. С. (2022) Слово-мысль-дело: Опыт исследования исторической семантики понятия «дело». *Die Welt der Slaven*, т. 67, № 2, с. 259–270. <https://doi.org/10.13173/WS.67.2.259>
- Лифшиц, М. А. (1988). Памяти Герцена. В кн.: *Собрание сочинений в трех томах. Т. 3.* М.: Изобразительное искусство, с. 59–106.
- Школьников, В. (2019) Историческая семантика «прекраснодушия» в раннем русском гегельянстве. В кн.: Д. Я. Калугин, Б. П. Маслов (ред.). *Понятия, идеи, конструкции: Очерки сравнительной исторической семантики.* М.: Новое литературное обозрение, с. 194–222.

Sources

- Aksakov, I. S. (1888) *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh. V 4 t. Ch. 1. Uchebnye i sluzhebnye gody. T. 1. Pis'ma 1839–1848 godov [Ivan Sergeyevich Aksakov in his letters. In 4 vols. Pt. 1. Academic and service years. Vol. 1. Letters of 1839–1848].* Moscow: M. G. Volchaninova Publ., 466 p. (In Russian)
- Aksakov, I. S. (1988) *Pis'ma k rodnym: 1844–1849 [Letters to relatives: 1844–1849].* Moscow: Nauka Publ., 704 p. (In Russian)
- Aksakov, I. S. (1994) *Pis'ma k rodnym: 1849–1856 [Letters to relatives: 1849–1856].* Moscow: Nauka Publ., 653 p. (In Russian)
- Belinskij, V. G. (1954) *Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. T. 4. Stat'i i retsenzii. 1840–1841 [Complete works: In 13 vols. Vol. 4. Articles and reviews. 1840–1841].* Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 675 p. (In Russian)

- Belinskij, V. G. (1955) *Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. T. 7. Stat'i i retsenzii. 1843. Stat'i o Pushkine. 1843–1846* [Complete works: In 13 vols. Vol. 7. Articles and reviews. 1843. Articles on Pushkin. 1843–1846]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 740 p. (In Russian)
- Belinskij, V. G. (1956) *Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. T. 11. Pis'ma. 1829–1840* [Complete Works: In 13 vols. Vol. 11. Letters. 1829–1840]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 718 p. (In Russian)
- Gertsen, A. I. (1954) *Sobranie sochinenij v tridsati tomakh. T. 3. Dilettantizm v nauke. Pis'ma ob izuchenii prirody. 1842–1846* [Collected works in 30 volumes. Vol. 3. Dilettantism in science. Letters about the study of nature. 1842–1846]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 363 p. (In Russian)
- Gogol, N. V. (1952a) *Polnoe sobranie sochinenij. T. 8. Stat'i* [Complete works. Vol. 8. Articles]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 816 p. (In Russian)
- Gogol, N. V. (1952b) *Polnoe sobranie sochinenij. T. 9. Nabroski, konspekty, plany, zapisnye knizhki* [Complete works. Vol. 9. Sketches, notes, plans, notebooks]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 684 p. (In Russian)
- Gogol, N. V. (1952c) *Polnoe sobranie sochinenij. T. 12. Pis'ma. 1842–1845* [Complete works. Vol. 12. Letters. 1842–1845]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 720 p. (In Russian)
- Dostoevsky, F. M. (1973) *Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. T. 7. Prestuplenie i nakazanie: Rukopisnye redaktsii* [Complete works: In 30 vols. Vol. 7. Crime and punishment: Handwritten editions]. Leningrad: Nauka Publ., 416 p. (In Russian)
- Ogarev, N. P. (1956) *Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya. T. 2* [Selected socio-political and philosophical works. Vol. 2]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 684 p. (In Russian)
- Panaev, I. I. (1986) *Povesti. Ocherki* [Novels. Essays]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 368 p. (In Russian)
- Prokopovich, F. (1961) Slovo v den' svyatogo blagovernogo knyazya Aleksandra Nevskogo [The word on the day of St. Blessed Prince Alexander Nevsky]. In: *Sochineniya* [Essays]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., pp. 94–103. (In Russian)
- Turgenev, I. S. (1978) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 1. Stikhotvoreniya, poemy, stat'i i retsenzii, prozaicheskie nabroski, 1834–1849* [The complete collection of works and letters: In 30 vols. Vol. 1. Poems, articles and reviews, prose sketches, 1834–1849]. Moscow: Nauka Publ., 574 p. (In Russian)
- Turgenev, I. S. (1980) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 5. Povesti i rasskazy 1853–1857 godov; Rudin; Stat'i i vospominaniya, 1855–1859* [The complete collection of works and letters: In 30 vols. Vol. 5. Novels and short stories of 1853–1857; Rudin; Articles and memoirs, 1855–1859]. Moscow: Nauka Publ., 543 p. (In Russian)
- Tvorogov, O. V. (ed.). (1997) Zhitie Feodosiya Pecherskogo. In: *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 1. XI–XII vv.* [Library of literature of Ancient Russia. Vol. 1. XI–XII centuries]. Saint Petersburg: Nauka Publ., pp. 352–434. (In Russian)

References

- Atnashev, T., Velizhev, M., Zorin, A. (2018) “Osobyj put’”: ot ideologii k metodu [“A special way”: from ideology to method]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 483 p. (In Russian)
- Ginzburg, L. Ya. (1977) *O psikhologicheskoy proze* [On psychological prose]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 450 p. (In Russian)
- Kalugin, D. Ya., Movnina, N. S. (2022) *Slovo-mysl'-delo: Opyt issledovaniya istoricheskoy semantiki ponyatiya “delo”* [Slovo-mysl'-delo (Word-thought-deed): The study of the historical semantics of the concept “delo”]. *Die Welt der Slaven*, vol. 67, no. 2, pp. 259–270. <https://doi.org/10.13173/WS.67.2.259> (In Russian)
- Lifshits, M. A. (1988) Pamyati Gertsena [In memory of Herzen]. In: *Sobranie sochinenij v trekh tomakh. T. 3* [Collected works: In 3 vols. Vol. 3]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., pp. 59–106. (In Russian)
- Shkol'nikov, V. (2019) Istoricheskaya semantika “prekrasnodushiya” v rannem russkom gegel'yanstve [Historical semantics of “beautiful-heartedness” in early Russian Hegelianism]. In: D. Ya. Kalugin, B. P. Maslov (ed.). *Ponyatiya, idei, konstruksii: Ocherki sravnitel'noj istoricheskoy semantiki* [Concepts, Ideas, Constructions: Essays on Comparative Historical Semantics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 194–222. (In Russian)
- Valitskij, A. (2019) *V krugu konservativnoj utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In the circle of conservative utopia. Structure and metamorphoses of Russian slavophilism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 704 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Наталья Савельевна Мовнина

SPIN-код: 2203-7946, ORCID: 0000-0002-6755-2307, e-mail: nasha.mova@gmail.com

Кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Author

Natalia S. Movnina

SPIN-код: 2203-7946, ORCID: 0000-0002-6755-2307, e-mail: nasha.mova@gmail.com

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, St. Petersburg State University